

The

Journal

Christian Psychology Around The World

Some of the main articles

- The relevance and beauty of Christian Psychology
- Prayer and experiencing in the context of pastoral care
- Christian Psychology in the realm of Humanistic paradigm
- The psychic reality and the image of God in Christian psychotherapy
- Strong theism in discussion

Focus Country: Russia

Main articles in English and in
Russian - Главные темы на
русском и английском языках

NUMBER 3
2013

Prayer and experiencing¹ in the context of pastoral care

Feodor Vasilyuk²

The present article is a report presented by F. Vasilyuk on the International Theological Conference of the Russian Orthodox Church “The Doctrine of the Church about man” (Moscow, 5th – 8th of November 2001).

The problem of suffering is an eternal challenge. The answer of the church to this call out is threefold: in theology it is theodicy; in asceticism it is the bearing of the cross; in in the sphere of pastoral care it is the comfort(ing) of the afflicted. This essay draws out types of comfort – the spiritual-normative, the emotional-sentimental and the spiritual-participating. The terminology of the spiritual-participating comfort is explained: “mental empathy”, “spiritual grafting”, “construction of the verticality” and lastly, “the path”. The practice of pastoral care requires not only a theological justification, but furthermore, a psychological-anthropological theory. The most important aspect of such theory is the problem of the relation of the processes of experiencing and prayer. The conclusion is drawn that the basic formula for Christian pastoral care and Christian psychotherapy consists in the following: where experiencing was, there the prayer shall come. For this reason, some effective and non-effective combinations of the processes of experiencing and prayer are considered.

Key words: pastoral care, suffering, comfort, experiencing, prayer.

Suffering, experiencing, comfort

Due to the nature of my work as a psychologist and psychotherapist, I frequently encounter a person who undergoes a moment of crisis, who finds himself stuck, at the turn of life. Therefore, the topic that I would like to suggest for discussion is the Christian-anthropological interpretation of the tragic aspects of human existence; the comprehension of man as a suffering being. “The mystery of man,” the Archimandrite Cyprian (Kern) writes, “ought not to be reduced by a pastor to moral categories of good and evil, or of holiness and sin. However, it often shifts to the realms of suffering and tragedy; of conflicts and antinomies” (1996, p. 25).

Suffering is always a challenge to our mind, our heart and our faith.

¹ The Russian word “переживание” has got a complex meaning, reaching from mere “experience”, or “emotional experience” to “worry” and “anxiety”. The corresponding verb is a compound of two words – “пере” (Russ. for “through”) and “жить” (Russ. for “live”) which literally means to live through something emotionally, to endure or even to survive and outlast. Normally, however, it denotes a negative emotional process of worry, suffering and anxiety undergone by the soul.

² Feodor Vasilyuk is the director of the faculty of psychological counselling of the Moscow State University of Psychology and Education. This article was first published in Moscow Psychotherapy Journal: Vasilyuk F.E. Prayer and experiencing in the context of pastoral care. // Moscow Psychotherapy Journal – 2003- №3 – pp. 114 -129

Молитва и переживание в контексте душепопечения

Ф.ВАСИЛЮК¹

Статья представляет собой доклад автора на Богословской конференции РПЦ „Учение Церкви о человеке“ (Москва, 5-8 ноября 2001г.).

Проблема страдания есть вечный вызов. Ответ Церкви на этот вызов тройкий: в богословии — теодицея, в аскетике — несение креста, в плоскости душепопечения — утешение страждущих. В докладе выделяются виды утешения — „духовно-нормативное“, „душевно-сентиментальное“, „духовно-участное“. Описываются фазы духовно-участного утешения: „душевного сопереживания“ — „духовной прививки“ — „воздвижения вертикали“ — „пути“. Практика душепопечения нуждается не только в богословском обосновании, но и в психолого-антропологической теории. Важнейшим центром такой теории является проблема соотношения процессов переживания и молитвы. Делается вывод, что базовая формула христианского душепопечения и христианской психотерапии такова: на место переживания должна стать молитва. Рассматриваются продуктивные и непродуктивные варианты сочетания процессов переживания и молитвы.

Ключевые слова: душепопечение, страдание, утешение, переживание, молитва.

Страдание, переживание, утешение

По роду работы мне, как психологу и психотерапевту, постоянно

приходится встречаться с человеком, переживающим кризис, пребывающим в тупике, на изломе жизни. Поэтому тематика, которую я хотел бы предложить для обсуждения — это христианско-антропологическое осмысление трагических аспектов человеческого существования, осмысление бытия человека страдающего. „Загадка о человеке, — писал архимандрит Киприан (Керн), — ...не смеет быть пастырем ограничена одними только нравственными категориями добра и зла, святости и греха, но она переходит очень часто в области страдания и трагедий, конфликтов и антиномий“ (Архимандрит Киприан (Керн), 1996, с. 25).

Страдание всегда есть вызов нашему уму, сердцу, вере. Церковь отвечает на этот вызов в разных плоскостях: в богословской — это православная теодицея, в аскетической — подвиг несения креста, претерпевания скорбей, в плоскости душепопечения — утешение страждущих.

¹ Василюк Федор Ефимович — декан факультета психологического консультирования Московского городского психолого-педагогического университета. Василюк Ф.Е. Молитва и переживание в контексте душепопечения. // Московский Психотерапевтический журнал — 2003 - № 3 – стр. 114-129

The church proposes an answer considering different levels: on the level of theology, the answer is the Orthodox theodicy, while in ascetics it is the feat of bearing the cross and enduring afflictions. On the level of pastoral care, the answer implies the comfort of the suffering. The experience in comforting the suffering is the main topic of our pondering. It is obvious why the topic would ignite the interest of an Orthodox psychotherapist. As a practitioner, his position toward the suffering person is not an observing, but a partaking one. Hence, from the whole body of sources of the Christian anthropological knowledge, his most important task is to think over the experience of the church of helping the afflicted and comforting the suffering.

The correlating category of the theological and the philosophical understanding of suffering on the psychological level is the concept of experiencing. In contemporary psychology, experiencing is understood not only as something which can be felt, the contents and states directly presented to the consciousness. Experiencing is furthermore seen as inner work; as the toil of the soul. Grief cannot be felt in the same easy way as disappointment, surprise or scare can be. In fact, it has to be lived through, i.e. one has to undertake a long and tiresome psychological effort of restoring one's own shaken or lost meaning of life; one must complete the work of sorrow. It is not by chance that “suffering” has its roots in the Latin sufferer, which means “to bear, undergo, endure, carry or put under” (“Suffer” in: Online Etymology Dictionary. Accessed: 10.10.12. <http://www.etymonline.com/index.php?term=suffer>). Already here it indicates a toilsome work.

One of the apocryphal texts claims: learn to suffer and you will not have to suffer. From this point of view, to comfort the afflicted does not mean to try to abolish or eliminate a person's suffering, but to assist him during his soul's toil of living through the pain. Quite paradoxically, but to comfort, in this sense, comes to mean to help one to suffer.

Types of comfort

Before turning to the analysis of the experience of comfort, we need to become aware of the questions through which we will approach this experience.

If we, just within the scopes of this report, agree to identify the concepts of psychotherapy and pastoral care, considering each broader than usual, meaning that psychotherapy does not mean a particular professional performance, but any psychological aid and assistance; a focused care to improve someone's emotional condition; and respectively, that pastoral care does not mean a particular pastoral ministry, but a general Christian duty of empathy, mercy and sharing in the psychological anxieties of one's neighbor; then, we can conclude that every Christian quite often finds himself assuming the position of a psychotherapist or a counselor when interacting with his neighbor. Why is it so? Mikhail Bachtin (1979) wrote about three types of ethical reactions to someone else's calamity: assistance, advice and sympathy. There are situations when we cannot aid someone with practi-

Опыт утешения в скорбях и есть главный предмет наших размышлений. Легко понять интерес к этому предмету у православного психотерапевта. Как практик он занимает по отношению к страдающему человеку не познавательную, а участную позицию, поэтому из всего корпуса источников христианского антропологического знания для него важнее всего вдуматься в церковный опыт помощи скорбящим, утешения в страданиях.

Коррелятом богословской и философской категории страдания на психологическом уровне выступает понятие переживания. Переживание в современной психологии мыслится не только как нечто испытываемое, непосредственная данность сознанию его содержаний и состояний, но и как внутренняя работа, душевный труд. Горе нельзя просто испытать как мы испытываем досаду, удивление или испуг, его нужно пережить, проделать долгий и мучительный душевный труд по восстановлению пошатнувшегося или утраченного смысла жизни, совершить работу печали. Не случайно и в самом слове „страдание“ корень „страда“ означает „тяжелую ломовую работу, натужные труды“ (см. Даль, 1982, с. 334).

В одном апокрифическом тексте сказано: научись страдать и ты сможешь не страдать. С этой точки зрения утешать скорбящего — это не стараться отменить, упразднить его страдание, а помогать ему в его душевном труде переживания скорби. Парадоксально, но так: утешать — это помогать страдать.

Типы утешения

Прежде чем обратиться к анализу опыта утешения, стоит осознать вопросы, с которыми мы подойдем к этому опыту. Если условиться на время данного доклада отождествить понятия психотерапии и душепопечения, рассматривая то и другое шире обычного: психотерапию — не как особую профессиональную деятельность, но как всякую душевную поддержку, целенаправленную заботу об улучшении душевного состояния другого человека, а душепопечение — не как особое пастырское служение, а как общую христианскую обязанность сострадательности, милосердия, участливости в душевных тревогах ближнего, то можно сказать, что каждый христианин нередко оказывается по отношению к ближнему в психотерапевтической позиции, или позиции душепопечения. Почему? М.М. Бахтин (1979) писал о трех типах этических реакций на беду другого — содействии, совете и сочувствии. Есть ситуации, где мы не можем помочь делом — не в наших силах вернуть здоровье, отменить приговор, воскресить умершего. Не можем мы обычно полагаться и на свой совет в сложной, затянутой в узел ситуации, — откуда, собственно, у нас мудрость? Значит, чаще всего нам остается лишь одна возможность — сочувствия, сострадания человеку в беде. Но как нашему сочувствию избежать опасности остаться просто

cal help – it is beyond our abilities to restore someone's health, to avert a sentence or to raise a dead person back to life. Similarly, we cannot rely on our advice in a complex, tied in a knot situation – where should our wisdom come from, strictly speaking? Thus, in most cases one last option remains – sympathy; compassion for the person in distress. But how do we prevent our sympathy from sounding like a shallow and sentimental reflex which is nothing but a mere utterance of our own emotional stress when witnessing another person's suffering? How does our compassion avoid slipping into a teary, pathetic drama that will spiritually weaken and offend a person's dignity? And if it does avoid such pity, how does compassion not become a hardhearted and cold edification? How do we remain Christians, when dealing with compassion, so that Christian counseling is what it actually means – pastoral care; i.e. the care of souls of those who suffer and are afflicted?

Let us turn to examples. My client shared with me his experience of seeking help during a severe family crisis. One unlucky evening he learned of his wife's adultery. After a sleepless night he went to work, but he simply could not work. He was restless. His whole world, so it seemed to him, shattered into pieces and life became meaningless. His mental pain was physically tangible and hindered him from concentrating on anything. Leaving the building, he almost instinctively went to a church, even though he was actually an unbeliever. After listening to the confused and tangled story, the priest asked:

“Have you been churchly wed?”

“No.”

“Are you baptized?”

“No.”

“What about your wife?”

“Neither is she.”

“Do you believe in God?”

“I would like to believe, but no... I think, I don't.”

“Well, what do you want? – What sort of marriage can it be without God, without the church? ... Read the Gospels, try to pray,” advised him the father.

My client left, feeling his guilt and hopelessness. Despite the cold and formal tone, in which he thinks the priest spoke with him, he remembers feeling some kind of truth behind his words, but not a hint of compassion.

In restlessness of soul, he returned to work, and to his own astonishment, told his colleague whom he did not even know very well about his situation. This colleague of his jumped off with enthusiasm: “They are all like that. She is not worth you, pay it back to her! You know, I can acquaint you with somebody... for such a man...” and so forth. He poured onto my client the whole set of typical vulgarities and my client – understanding their price, nevertheless felt a slight emotional relief.

We see how contrary these two comforts are. The former lacked any heart, compassion and mercy, but was spiritually sound. The latter echoed the soul's own cry, but was void of truth. Do not the polarities that appear in such cases testify to the fundamentally unavoidable conflict

сентиментальным рефлексом, просто выражением собственной эмоциональной задетости страданием другого? Как нашему состраданию не соскользнуть в слезливую жалостливость, которая может духовно расслабить и оскорбить достоинство человека, и как, оттолкнувшись от жалостливости, не потерять сердечности и не угодить в холодную назидательность? Как в деле сострадания оставаться христианами, так, чтобы наше утешение в самом деле было душепопечением, заботой о душе страдающего человека?

Обратимся к примерам. Мой пациент поведал мне как-то свою историю поиска помощи во время острого семейного кризиса. Однажды недобрым вечером он узнал о неверности жены. После мучительной бессонной ночи он отправился на работу, но работать не смог, не находил себе места, вся его жизнь, казалось ему, рухнула, все потеряло смысл, физически ощущаемая душевная боль не давала ни на чем сосредоточиться. Он вышел из здания и почти безотчетно отправился в храм, будучи при этом человеком неверующим. Выслушав сбивчивый рассказ, священник спросил:

Ваш брак венчанный?

Нет.

Вы сами крещены?

Нет.

А жена?

Тоже нет.

А в Бога веруете?

Я бы желал поверить, но нет... Кажется, нет.

Ну что же вы хотите, какой же может быть брак без Бога, без

Церкви? ...Читайте Евангелие, пробуйте молиться, — напутствовал батюшка.

Мой пациент вышел, чувствуя свою вину и безысходность. Несмотря на холодный, как ему показалось, формальный тон, он вспоминает, что ощутил за словами священника какую-то правду, но — ни тени сочувствия.

В своих душевных метаниях он снова вернулся на работу и, неожиданно для себя, рассказал обо всем сослуживцу, хотя не был с ним особенно близок. Тот взялся за дело с энтузиазмом. „Да все они такие, она тебя не стоит, ты ей отомсти, ну хочешь, я тебя познакомлю, да за такого парня ...“ и прочее в том же духе. Он вылил на моего пациента весь набор типовых пошлостей, и тот, понимая им цену, тем не менее почувствовал некоторое душевное облегчение. Мы видим, как противоположны эти два утешения. В первом не было душевного сочувствия, милости, но была духовная правда, во втором был живой душевный отклик, но не было правды. Не выявляли ли эти полярности наличия в подобных случаях принципиально неустранимого противоречия между духовным и душевным? Без лекарства духовного обличения не обойтись, но оно слишком горькое, и отторгается, не приемлется душевным организмом, а сладкая душевная пилюля на минуту отвлекает от боли, но дает ложное успокоение. Могут ли вообще

between the matters of the spirit and the matters of the soul? The medicine of spiritual admonition is indispensable for the cure, but it is so bitter that it is rejected by the soul. But a sweet pill intended for the soul does distract for a minute from pain, but the rest it gives is false. Is it at all possible that we can say of comfort: “Mercy and truth have met each other” (Ps 84:11a - Catholic Public Domain Version Bible 2009).

In a famous episode of Dostoevsky’s “Brothers Karamazov” a young woman comes to the Elder Zosima. She mourns her deceased son of three years of age. It is already the third month that she’s been going from monastery to monastery – her home is empty and it is pointless to return there. At first, Father Zosima tries to comfort her through the story about a great ancient saint, who said to another mother in a similar situation, whether she did not know that dead infants were granted the rank of angels? Hence, she should rejoice, and not grieve.

The woman cast down her eyes and sighed, “With exactly this my husband Nikitushka used to comfort me, word for word...” What happened? Why did she not hear any comfort in these words? Why the spiritual medication had no effect on the soul? It is simply because the soul itself was not listened to and the matter of sorrow and emotional agony were rejected as impious and spiritually unlawful: “You must rejoice,” they say, “not cry.” And so the Elder gives up his pursuit to shift her gaze from her grief toward heaven, where the “child must be before the throne of God, rejoicing and merry”, because the Elder feels that such spiritual ascent is inaccessible for the mother’s heart. Thus, instead of lifting her soul heavenwards, tearing her away from her sorrow, the old man, moved by compassion, descends himself into the depths of her inconsolable grief, accepting this state of utter desolation as the ultimate reality: “Don’t be comforted, you don’t need comfort; don’t let yourself be comforted, just cry,” said the Elder. These words cannot come from an outside position. To be able to utter them, one needs to let the grief soak one’s own soul too – a grief that is absolutely ripped off hope, of a way out, of any ray of light. Only after such a descend into the hell of a suffering soul, there inside of this great darkness, is it possible to light a spark of spiritual comfort: “... don’t be comforted and cry,” the Elder continued, “but any time you cry, remember by all means that your son is one of the angels of God. He’s looking down on you, and seeing you, he rejoices at your tears and points God at them. Your motherly tears will remain for a long while, but they will turn into a silent joy for you in the end...”

Let us take a closer look at this skillful spiritual psychotherapy. The soul is allowed to cry, and it is almost granted inconsolableness (“don’t be comforted and cry”), but into this tree of pain of the soul a tiny spiritual prayer scion is grafted (“any time you cry, remember ... that your son is one of the angels...”). Thus, the sap of sorrow and the energy of prayer unite in one bloodstream of the soul organism. But this is not all: if I, being a grieving mother, remain in my desolation and out of this perspective see the child-angel, the acute and impossible longing to meet him here will consequently arise every time I will

в утешении „милость и истина встретиться“ (Пс. 84, 11)?

В известном эпизоде из „Братьев Карамазовых“ к старцу Зосиме приходит молодая женщина, горящая по умершем трехлетнем „сыночке“. Она уже третий месяц ходит по монастырям: дом ее опустел, возвращаться туда бессмысленно. Сначала старец пытается утешить ее рассказом о древнем великом святом, говорившем такой же горящей матери — неужели она не знает, что умершим младенцам немедленно даруется ангельский чин, и потому следует радоваться, а не плакать.

Женщина потупилась, вздохнула: „Тем самым меня и Никитушка утешал, слово в слово...“ Что произошло? Почему она не услышала в этих словах утешения? Почему духовное лекарство не подействовало на душу? Да потому, что сама душа не была услышана, сама стихия переживаний, душевной муки отвергнута как неблагоприятная, духовно неправомерная — нужно, мол, радоваться, а не плакать. И старец оставляет попытки оторвать ее взор от горя и перевести его в небо, туда, где „младенец наверно теперь предстоит перед престолом Господним, и радуется, и веселится“, потому что почувствовал, что такой духовный подъем не доступен сейчас для материнского сердца. И вместо того, чтобы поднимать ее душу вверх, отрывать от скорби, старец, наоборот, сам сострадательно спускается вглубь безутешного горя, принимая безутешность как подлинную реальность: „И не утешайся, и не надо тебе утешаться, не утешайся и плачь“, — говорит старец. Так нельзя сказать со стороны, извне. Чтобы так сказать, нужно и в свою душу впустить это переживание во всей его безнадежности, безысходности и беспросветности. И только после такого сошествия во ад страдающей души становится возможным там, внутри этой тьмы, затеплить лампадку духовного утешения: „... Не утешайся и плачь, — продолжал старец, — только каждый раз, когда плачешь, вспоминай неуклонно, что сыночек твой есть единый от ангелов Божиих, оттуда на тебя смотрит и видит тебя, и на твои слезы радуется и на них Господу Богу указывает. И надолго еще тебе сего материнского плача будет, но он обратится под конец тебе в тихую радость...“.

Всмотримся в эту искусную духовную психотерапию. Душе позволено плакать и чуть ли не предписывается безутешность („не утешайся и плачь“), но к этому душевному дереву страдания прививается маленький духовный молитвенный черенок („каждый раз, когда плачешь, вспоминай, что сыночек... единый от ангелов...“) так, чтобы соки переживания и энергии молитвы соединились в едином кровотоке душевного организма. Но и это не все: если я, горящая мать, буду оставаться в своей безутешности и из нее в дальней перспективе видеть младенца-ангела, то постоянно будет оживляться мучительное неисполнимое желание встречи с ним здесь („Только услышать бы мне, как он по комнате своими ножками пройдет разик, всего бы только

remember (“Just to hear his feet walk through the room, just once, with his tiny feet tap-tap really quickly...”). Therefore, the spiritual comfort of the Elder gives to the grieving woman a different, we might say, a “reverse perspective”, characteristic of a reverent, prayerful presence before God: when I am not the one who stands and looks at God, but when I stand in His gaze with my soul wide open. But how does Father Zosima achieve this? “Your baby son is looking down on you, and seeing you, he rejoices at your tears and points God at them”. How simple and what a radical change it is: the tears have just been the expression of my grief, and now they are the subject of his moved, loving admiration, the reason of joy for the child-angel. The soul is given the opportunity, if only for a minute, to look down on itself from above, and in this reversed perspective to touch spiritual joy. The spiritual joy that is prescribed to me in place of my tears is one thing, quite another though is his joy, of my beloved, because of my tears. A joy that I am involved, precisely due to my tears. The created prayerful perspective for the process of grief does not try to push out the emotional by the spiritual, but to enlarge the emotional; not to dismiss grief, but to offer “room within grief”, a space where one can breathe.

And the last: the Elder does not think that with one single act of comfort the soul is healed. He has a pious respect for the reality of the soul experiencing: “Your motherly tears will remain for a long while”. This is the attitude of a patient and caring gardener, who knows that a tree needs time to bear fruit.

Summarizing the basic features of spiritual comfort, we will highlight several stages:

“Mental empathy”. The emotional experience, within its empirical reality, is accepted unconditionally and without judgments, as genuine and with its own right for existence. It is accepted not as from the outside, but as if from within, with sympathy of the soul, with commiseration and compassion.

“Spiritual grafting”. Spiritual images, pictures and prayer advice do not remain hanging in the air, but are grafted right into the body of the experiencing (“but any time you cry, remember...”).

“Construction of the vertical”. The Elder builds a spiritual vertical that enables not only a look onto the spiritual from the standpoint of the soul, but also a reverse perspective – a look onto sorrow and tears from over there. Through this, the joy that is available in this spiritual vertical reveals itself.

“The path”. The whole issue does not stop at the vertical; consolation has taken care of the horizontal of the earthly way as well. Speaking of spiritual healing, it would be unrealistic to expect one single occasion to be satisfactory. The Elder prepares the suffering woman for a long journey of motherly weeping, and draws its outcome for the soul – “a silent joy”.

The total image of this spiritual psychotherapy is the prayer ladder of experiencing. The Elder’s comfort does not directly instruct how to pray. However, it builds a spiritual ladder, whose lowest rung is grief and desolation, but whose top rung is spiritual joy. The emotional experience

разик ножками своими тук-тук, да так часто-часто...”). Поэтому духовное утешение старца дает горящей совсем другую, „обратную перспективу“, характерную для благоговейного молитвенного предстояния перед Богом, когда не я вглядываюсь в Него, а наоборот предстою перед Его взглядом в душевной открытости. Каким же образом старец Зосима это делает? „Сыночек твой оттуда на тебя смотрит и на твои слезы радуется, и на них Господу Богу указывает“. Как просто и какой радикальный переворот: слезы только что были выражением моей скорби, а сейчас стали предметом его растроганного любования, поводом радости младенца-ангела. Душе дается возможность хоть на минуту взглянуть на себя оттуда и в этой обратной перспективе прикоснуться к духовной радости. Одно дело — духовная радость, нормативно предписываемая моей душе вместо слез, другое дело — духовная радость его, любимого, по поводу моих слез, радость, к которой и я делаюсь причастна и именно моими слезами. Создаваемая для переживания горя молитвенная перспектива пытается не вытеснить душевное духовным, а расширить душевное, не отменить скорбь, но дать „пространство в скорбях“, пространство, в котором можно дышать.

И последнее: старец не думает, что одним разовым актом утешения душа исцелена. Он с благоговейным уважением относится к реальности душевного процесса переживания: „И надолго тебе еще сего материнского плача будет“. Это отношение терпеливого, заботливого садовника, знающего, что дереву нужно время, чтобы принести плод.

Суммируем основные черты этого духовного утешения, выделив в нем несколько фаз:

Фаза **„душевного сопереживания“**. Душевное переживание принимается безусловно и безоценочно, в его эмпирической данности, как подлинное и имеющее право на существование. Оно принимается не со стороны, а как бы изнутри, с душевным сочувствием, со-болезнованием, со-страданием.

Фаза **„духовной прививки“**. Духовные картины, образы, молитвенные указания не остаются висеть в воздухе, а прививаются прямо к телу переживания („каждый раз когда будешь плакать, вспоминай...“). Фаза **„воздвижения вертикали“**. Старец воздвигает духовную вертикаль, дает возможность не только из душевного смотреть на духовное, но и возможность обратной перспективы — взгляда на переживание, на слезы оттуда. И так показывается доступная в этой духовной вертикали радость.

Фаза **„пути“**. Вертикалью дело не ограничивается, утешение позаботилась и о горизонтальной земного пути. Было бы нереалистично в деле духовного исцеления рассчитывать на разовую акцию. Старец готовит горящую к долгому пути материнского плача и рисует его душевный итог — „тихую радость“ . (Есть еще в романе Ф.М. Достоевского не менее важная часть, здесь не анализируемая, - практическое наставление вернуться к мужу.)

of the soul is neither rejected, nor is it truncated. It is carefully accepted in its full extent, yet is it joined with the spiritual vertical as a part of it, so that the natural process of emotional experience performs a transforming, spiritual work.

If we look back now on the examples given earlier, three types of comfort appear before us.

The first one, we shall by convention refer to as **“spiritual-normative”** – it is a comfort without comfort; void of any human warmth. It passes by the human emotional experience, seeking to explain and to condemn, but not to acquit or support. Its everyday prototype is: “You hurt yourself? Your fault”.

The second one is the **“psychic-sentimental”** comfort. It contains a direct soulful response and can warm for a little while, but it functions only through replacing one passion with another (the pain of jealousy is replaced by a craving for revenge, for instance). It lacks not only any spiritual truth, but – if we look closer – any true compassion either. It also ignores the depths of human suffering and experiencing. Its popular slogan is: “Come on, don’t you worry”.

The third and the final one, the **“spiritual-participating”** comfort, compassionately dives into the waters of the worried soul of a suffering person, and eventually puts up the spiritual ladder, on which with every single rung the human sorrow is able to materialize into prayer and so undergo a transforming process.

Such comfort is worthy of being called spiritual psychotherapy. If the application formula of psychoanalytic psychotherapy is “the Id must be replaced by the Ego”, then the formula of spiritual psychotherapy is **“experiencing must be replaced by prayer”**. Not “in place of” experiencing, however, but “in the midst” of experiencing a prayer lamp needs to be lit – it needs to burn together with the experiencing. Thereby, experiencing melts and transforms into prayer, in the same way as oil, soaking the wick, turns into a flame.

Experiencing and prayer

In view of these findings for the development of the praxis of Christian psychotherapy and pastoral care, the relationship between the processes of experiencing and prayer needs to be considered in detail. But also vice versa, the actual practical experience of pastoral care gives rise to a particular approach to the most important topic of Christian anthropology and psychology, which concerns itself with human feelings and experiences. The general attitude toward this issue has been usually dominated by the ascetic philosophy of fighting with the passions. The discourses of pastoral care and asceticism, coinciding in their final goals, are fundamentally different in style and method. In particular, the ascetic context is usually dominated by imagery of war and battle, while the context of pastoral care uses medical metaphors.

As a physician sees a disease not only as an evil, but also as an attempt of a healthy bodily forces to deal with harmful impacts, in the same way, the praxis of Christian pastoral care needs to study the processes of human experiencing in their nega-

Суммарный образ этой духовной психотерапии — молитвенная лестница переживания. Старческое утешение прямо не учит здесь молитве, но оно выстраивает духовную лестницу, нижней ступенькой которой становится скорбь, безутешность, а верхней — духовная радость. Душевное переживание не отвергается и даже не усекается, оно бережно принимается все без остатка, но вводится в духовную вертикаль как

ее элемент, так что само естественное движение переживания начинает совершать духовную преобразующую работу.

Если оглянуться теперь на приводившиеся ранее примеры, то перед нами — три типа утешения.

Одно, назовем его условно **„духовно-нормативное“** — это утешение без утешения, в нем нет человеческого тепла. Оно проходит мимо человеческого переживания. Оно хочет объяснить и обвинить, а не оправдать и поддержать. Его бытовой прототип: „Ушиб коленку? Сам виноват“.

Второе, **„душевно-сентиментальное“** утешение. В нем есть непосредственный душевный отклик, оно может ненадолго согреть, но действует оно, замещая одну страсть другой (боль ревности — страстью мести, например). И нет в нем ни духовной правды, ни, если вдуматься, настоящего сострадания. Оно тоже игнорирует человеческое переживание, его глубину. Его расхожий лозунг: „Да брось ты, не переживай“.

Наконец, третье — **„духовно-участное“** утешение сострадательно погружается в воды душевного переживания скорбящего, затем воздвигает духовную лестницу, движением по которой человеческое переживание может претворяться в молитву и тем преобразоваться.

Это утешение заслуживает именованья духовной психотерапии. Если формула психоаналитической психотерапии — „на место Оно должно стать Я“, то формула духовной психотерапии такова:

„на место переживания должна прийти молитва“. Не вместо переживания, а в месте переживания должна быть затеплена лампада молитвы, она должна гореть вместе с переживанием. Само переживание при этом переплавляется, перерождается в молитву, как масло, поднимаясь по фитильку, становится огнем.

Переживание и молитва

В связи с этими выводами для развития практики христианской психотерапии и душепопечения необходимо тщательно продумать соотношения между процессами переживания и молитвы. Но и наоборот, сама практика душепопечения создает особый подход к важнейшей для христианской антропологии и психологии теме человеческих чувств и переживаний. Отношение к этой теме традиционно складывалось под доминирующим влиянием аскетического дискурса борьбы со страстями. Душепопечительный и аскетический дискурс, совпадая в сфере конечных целей,

tive tendencies of turning into passions, as well as in their positive tendencies of spiritual maturity.

We can outline several questions of the study of experiencing in the paradigm of pastoral care from this perspective.

- a. Firstly it is the question of those characteristics of the process of experiencing, which allow for a beneficial synthesis with prayer.
- b. The second question refers to the types of the fusion of experiencing and prayer.
- c. The third question deals with the impact of prayer on the experiencing.

Particular features of the experiencing process, important for the pastoral care discourse

The psychological analysis of experiencing identifies three elements (the experienced circumstances, the process of experiencing, the personality) and three plans of progression (plan of expression, plan of sensation, plan of comprehension).

We will stop at two essential characteristics of experiencing that belong to the plan of expression. We are talking about the openness of emotional experience and its addressing.

Openness of experiencing. The dynamic of experiencing is discussed by modern psychotherapy mostly as projected onto the axis of “repression – expression”. Whereas psychotherapists usually meet repression of emotions with a sense of psycho-hygienic suspicion as a remnant of repressed Victorian morals, they encourage and stimulate any and every possible expression of feelings. Expression, although not always, yet still in too many cases is equaled with the idea of affective discharge. It can consist of some primitive cuffing of a plastic dummy that ought to represent the boss of a factory somewhere in Japan. Or, it can consist of some ingenious methods of employing one’s creative imagination, when a slighted patient – just an example taken from an article – is offered to drain herself off her anger by performing an imaginary “flight of Margarita” (Episode from Bulgakov’s “Master and Margarita”) over Moscow to the windows of her rival, which she of course needs to smash with enjoyment. The point remains the same, however, for it lies not in the method, but in the latent anthropology and axiology: if you repress your emotions, you will become sick; if you smash windows in reality, you will harm your social status. So what can be done? There is one ideal solution – to react still, while not restraining yourself, yet not in social behavior, but in the soul, in the imagination. Physical health has got a value, social status is also important, but the soul – the soul will bear everything. Anthropology, that does not know the idea of transformation, must satisfy itself with the idea of channeling the affects. The saddest fact is that this idea is not just one idea among many, but it is the fixed and the widespread culture of our emotional life.

Prayer offers a chance to break free from the false dilemma of “repression – reaction”, creating a further dimension of height and depths of emotional experience. This

существенно отличаются по методам и стилистике. В частности, в аскетическом контексте чаще доминирует метафорика войны, брани, а в душепопечительном — метафорика врачебная.

Как врач смотрит на болезнь не только как на зло, но и как на попытку здоровых сил организма справиться с вредными воздействиями, так и практика христианского душепопечения должна исследовать процессы человеческого переживания и в их негативных тенденциях превращения в страсти, и в их позитивных тенденциях духовного возрастания.

Наметим некоторые вопросы исследования переживания под таким углом зрения, в парадигме душепопечения.

- а) Во-первых, это вопрос о тех характеристиках процесса переживания, которые делают возможным его благотворное соединение с молитвой.
- б) Второй вопрос — о типах соединения переживания и молитвы.
- с) Третий — о влиянии молитвы на переживание.

Некоторые особенности процесса переживания, важные для дискурса душепопечения

Психологический анализ переживания выделяет в нем три структурных элемента (переживаемые обстоятельства, процесс переживания, личность) и три плана протекания (план выражения, план чувствования и план осмысления).

Остановимся на двух существенных характеристиках переживания, относящихся к плану выражения. Речь идет об открытости переживания и его адресованности.

Открытость переживания. Динамика переживания рассматривается современной светской психотерапией чаще всего в проекции на ось „сдерживание — выражение“. При этом к сдерживанию чувств психотерапевты, как правило, относятся с психогигиеническим подозрением как пережитку репрессивной викторианской морали, и потому всячески стимулируют выражения чувств. Выражение же не всегда, но слишком часто сводится к идее аффективной разрядки. Это могут быть примитивные тумачи резиновым куклам, изображающим начальников на проходной японской фабрики; это могут быть изощренные способы работы с воображением, когда обиженной пациентке — привожу пример из одной статьи — предлагается излить накопившуюся злость, совершив воображаемый „полет Маргариты“ над Москвой к окнам соперницы, которые, разумеется, нужно с наслаждением разбить. Суть дела от этого не меняется, ибо она — не в методе, а в подспудной антропологии и аксиологии: будешь сдерживаться — повредишь своему здоровью, будешь реально бить стекла — повредишь своему социальному статусу. Что же делать? Есть идеальное решение —отреагировать, ни в чем себя не ограничивая, но не в социальном поведении, а в душе, в воображении. Телесное

dimension allows for a blissful control (that in contrast with the pathological repression creates not the unconscious, but the intimate), and a blessed, transforming expression of experiencing. In order experiencing could be fully expressed in prayer, one must firstly **dare** to open it and secondly, **be able** to do it. “To be able to” means to solve a poetic task, i.e. to try to faithfully utter the truth of one’s own heart. “To dare” means to solve the task of “standing before”: to find in oneself enough courage and trust, to lay down the feelings before God in all their true colors without justifications and embellishments; just as it is. The openness of one’s own experiencing in prayer starts with the art and courage to be, to trust and to hope, and ends in being crowned with the courage and the art to change. (Courage in this sense is contrary to the neurosis as brilliantly defined by Paul Tillich: “Neurosis is the way of avoiding nonbeing by avoiding being” (Tillich, 1952). <http://evans-experientialism.freewebspace.com/tillich.htm>)

The addressing his experience.

Observations in the field of child psychology, psychopathology and psychotherapy clearly show that any human experience has an immanent addressee. Let us remember the classical observation of Korney Chuckovsky:

“Enough, Nyura, stop crying!”

“I cry nor for you, but for aunt Sima.”

Experiencing can get lost, confuse addresses, which leads to painful distortion of the emotions themselves, as well as human relationships. We just need to remind ourselves of the phenomena of transferring in psychotherapy and the exaltation and worship of church leaders in the Christian world.

The process of experiencing in relation to its character and genre significantly depends on the object at whom it is targeted, as well as on the question whether this targeting in itself is overt or covert, specific or unspecific.

A first grader bruised his knee; he is in great pains, but in the presence of his compassionate granny he will endure this pain differently as compared to the situation occurring with his elder brother who is on leave from the army witnessing this mishap.

The targeting of emotions when guarded by prayer instantly affects the process of its experiencing. Out of loneliness and abandonment a man utters the word “Father” adding “our” to it – words which discharge the threat of loneliness and abandonment. Out of insecurity he cries “My Queen, Blessed One” and out of helplessness he calls “my hope, Mother of God” and these cries of prayer themselves start the process of healing on the psychological level. On the peak of such expression of emotions through prayer, if a man succeeds in addressing his experiencing to God or the saints, the experiencing undergoes a metamorphosis that will change the whole inner logic – the “logic of satisfaction” is changed into the “logic of the replenishment of the being”.

According to the “logic of satisfaction” the turn of events could have been the following: I was robbed off something valuable in my life, tried to restore what had been lost out of my own strength, became convinced that this was im-

здоровье — ценность, социальное положение — ценность, а душа — душа все стерпит. Антропология, которой не ведома идея преобразования, должна удовлетвориться идеей канализации аффектов. Самое печальное состоит в том, что это не просто идея среди идей, но сформированная и широко распространенная культура душевной жизни. Молитва дает возможность вырваться из ложной дилеммы „вытеснение — отреагирование“, создавая дополнительное измерение высоты и глубины переживания. В этом измерении возможно и благодатное сдерживание (которое в отличие от патологического вытеснения создает не бессознательное, а сокровенное), и благодатное преобразующее выражение переживания. Чтобы переживание полноценно выразилось в молитве, человек должен **посметь** его открыть и **суметь** его открыть. „Суметь“ — значит решить поэтическую по смыслу задачу: попытаться в искреннем слове выразить правду своего сердца. „Посметь“ — значит решить задачу „предстояния“: найти в себе достаточно мужества и доверия, чтобы положить перед Богом свои чувства без прикрас и оправданий, как есть. Открытость своего переживания в молитве начинается с искусства и мужества быть, доверять и уповать, а венчается мужеством и искусством меняться. (Мужество в этом смысле противоположно неврозу в блестящем определении П. Тиллиха: невроз есть способ избегания страха небытия путем избегания бытия (Tillih, 1952).)

Адресованность переживания. Наблюдения в области детской психологии, психопатологии, психотерапии убедительно показывают, что всякое человеческое переживание имеет имманентного адресата. Вспомним классическое наблюдение К. Чуковского:

Ну, Нюра, довольно, не плачь!

Я плачу не тебе, а тете Симе.

Переживание может заблудиться, перепутать адрес, и это ведет к болезненным искажениям и самих чувств, и человеческих отношений. Достаточно вспомнить феномены переноса в психотерапии или экзальтированного „мироносничества“ в приходской жизни.

От того, кому адресовано переживание и является ли сама адресованность явной или скрытой, определенной или неопределенной, существенно зависит процесс переживания, его характер и жанр. Первоклассник разбил в кровь коленку, ему очень больно, но в присутствии жалостливой бабушки он будет переживать эту боль совсем не так, как в присутствии старшего брата, приехавшего в отпуск из армии.

Молитвенная адресация чувства сразу же начинает менять процесс его переживания. Из одиночества и брошенности произносит человек „Отче...“ и добавляет „наш...“, слова, отменяющие одиночество и брошенность, из беззащитности он вызывает „Царице моя, преблагая“, из безнадежности — „надеждо моя, Богородице“ и сами эти молитвенные

possible, tried to somehow overcome the situation, but had to give in and realize that this was not possible either – that I cannot do anything on my own. And so I resolved to cry out for help in prayer, in a state of a hopeless hope that through some miracle things will resolve, and I will get comfort and become myself again, start living again, for without that thing I am not myself and my life – not a life at all. I cannot think of anything else. And suddenly... Everything changes. How could I have known – I who already accepted death – that instantly, just on the other side of my desperate prayer cry, a breath of life and grace would breathe on me; that in just one moment the very deepest logic of my feelings and thoughts, and even the foundation of my existence, would be changed completely. By now, it is clearly tangible that only here, with this breath upon me, I exist in the original sense of this word. Only immersed in this breath and being close to it I receive the fullness of being, the fullness of life and the fullness of meaning. And then it becomes revealed unto me that the danger that I have been running from and in which I have been asking for refuge, the thirst in which I have been asking for water, the insult in which I have been asking for justice, the fight in which I have been asking for reconciliation, that all these – the water, and refuge, and justice, and peace, despite all of their irreplaceable significance were but harbingers, just pretexts, just heralds for the e n c o u n t e r. All of it will be given to me, in abundance too, yet all of them are but partly revelations of that one thing that awaits me – the fulfillment or the replenishment in the being. This very fulfillment in the being is the main transformation of experiencing during its prayerful addressing.

Types of combinations of experiencing and prayer.

Experiencing, as well as prayer are complicated activities, which can stand in multiple relations to each other. Let us try to note down some of the types of combinations between experiencing and prayer, however roughly this might be, through metaphors.

“Drift of snow”

The heroine of a movie, a sturdy village woman, stands on her knees in front of her icons one evening and fervently prays for her young daughter, “Look – from all the good men, the one half moved away, the other married, and only the drunkards remained. Should she now forfeit her youth and stay all by herself? It is not good; not right is it,” she admonishes God. Her prayer is interrupted by the old woman who was sleeping on the Russian stove. She moves away the curtain and rebukes her daughter, “What do you talk with God like with a foreman for? Pray! You have to pray!” The praying woman comes to her senses, crosses herself and with usual patter starts praying “It is truly meet to bless thee...”, as if putting aside her “irreverent” troubles and anxieties.

The initial form of prayer, that appalled the pious old woman, may be called “the drifting snow”, for here, the combination of her experiencing and prayer is such that prayer as if spreads on the ground. Even though the prayer is fascinating the audience with its sincerity, the lively

обращения начинают уже и на психологическом уровне целительную работу. На вершине же этого молитвенного выражения переживания, если человеку в полноте удастся адресовать переживание к Богу или святым, с переживанием случается метаморфоза, меняющая всю его внутреннюю логику, „логика удовлетворения“ сменяется „логикой восполнения в бытии“.

Согласно „логике удовлетворения“ события могли развиваться так: я лишился чего-то важного в моей жизни, старался своими силами вернуть утраченное, убедился, что это невозможно, пытался как-то пережить ситуацию, но пришлось смириться с тем, что и это невозможно, что сам я ничего не могу сделать, и тогда стал в молитве взывать о помощи в безнадежной надежде, что каким-то чудом все устроится, и я получу утешение и снова стану собой, заживу своей жизнью, ибо без утраченного я сам не свой, и жизнь моя — не жизнь. Ни о чем другом я помыслить не могу. И вдруг... Все меняется. Откуда мне, готовому к смерти, было знать, что тут же, сразу по ту сторону моего молитвенного отчаянного крика, на меня дохнет такое благодатное, такое животворящее дыхание, что в одно мгновение изменится сама глубинная логика моих чувств и мыслей, более того, сама основа моего существования. Уже ясно ощутимо, что только здесь, только с этим дыханием я, собственно, и существую в подлинном смысле слова, только в нем и вместе с ним я и обретаю полноту бытия, полноту жизни и полноту смысла. И тогда-то начинает открываться, что опасность, от которой я бежал и просил убежища, жажда, в которой я просил воды, обида, в которой просил справедливости, ссора, в которой просил мира, что все это — и вода, и убежище, и справедливость, и мир, при всей их неотменимой существенности — лишь предвестники, лишь поводы, лишь глашатаи встречи. Все это и с избытком будет дано мне, но это все частные проявления того главного, что меня ожидает — восполнения в бытии.

Это-то восполнение в бытии и является главным преобразованием переживания при его молитвенной адресации.

Типы соединения переживания и молитвы

И переживание, и молитва являются сложными деятельностью, которые могут находиться в многообразных отношениях между собой. Попытаемся хотя бы приблизительно, с помощью метафор, наметить некоторые типы сочетаний между переживанием и молитвой.

„Поземка“.

Героиня одного художественного фильма, крепкая деревенская баба, стоит вечером на коленях перед иконами и горячо молится о молодой дочке: „Смотри — хорошие мужики кто разъехался, а кто женился, остались одни пьяницы. И что ж ей одной теперь пропадать? Нехорошо это, неправильно“, — усовещивает она Бога. Молитву прерывает спящая

and ardent expression of caring for the wretched fate of a close person, in the present case, experiencing enslaves prayer, subduing it to its own logic, rhythm and priorities. By interrupting her daughter's prayer, the old woman could not appreciate the precious thing that it had – that personal, direct and sincere character of the relationship with God. Nonetheless, the old woman's criticism did contain truth in it. Such a combination of experiencing and prayer is dangerous in that the prayer is short-sighted, and is in danger of being reduced to mere automatic utterances eventually; to spontaneous inclusions into general experience (sighs of “Oh Lord!”, the rolling of the eyes toward heaven etc.), which have no actual influence on the process of experiencing whatsoever.

Anyhow, even in this case we must not completely reject the meaning of such a reduced prayer, for even such an unconscious, automatic and wingless prayer still remains a cry for God and therefore, in terms of spiritual objectivity, can significantly impact experiencing and life (see Pavel Florensky, 1977, pp. 191-192).

“Parallel”

After the old woman's rebuke, the combination of prayer and experiencing is shaped into a form that might be called “the parallel”. Your low, sinful, everyday way of life and the emotional suffering that is related to it is one thing; quite another thing is however a holy prayer. It must be pure from all those ordinary, everyday trivia; from everything emotional or worldly, hence unclean. Such attitude towards prayer cannot be denied its claim of possessing a good intention, asceticism and a kind of humility. But such a prayer, just as the high priest from the parable of the Good Samaritan, will try to pass by the wounded, ugly-looking life, being afraid of sullyng and defiling oneself. Pursuing its Pharisee-like cleanliness, it constantly betrays life, abandoning it and leaving it up to its fate.

At the same time, however, such a prayer must not be condemned completely. For it indicates, be it even spiritually crooked, a movement in the direction of God, towards purity, towards righteousness; thus such prayer can sometimes bring its fruit. But its dangers are enormous, for in soothing the consciousness with piety, it leaves the experiencing helpless and pushes it towards feeling ashamed of itself, the very fact of its existence, or towards shutting itself away, hiding in the unconscious only to reappear in times of illness, or sudden explosions of passions, or after excessive alcohol consumption.

“Conflict”

The prayer that is conceived in the process of experiencing can engage in an intense battle with it. There, prayer and experiencing will fight for the right to determine the whole psychic process. They will dispute about how to understand a situation, what name to call it, whether to open or to close the soul to or from other people, what to trust in, what to hope for etc. Disregarding the tension and the danger of such relations, and maybe even due to this tension, such a combination of prayer and experiencing contains a multitude of fruitful spiritual possibilities;

на печи старуха. Она отдергивает ситцевый полог и выговаривает дочери: „Что ты с Богом как с бригадиром разговариваешь?! Ты молись, молиться надо!“. Молитвенница спохватывается, осеняет себя крестным знаменем и привычной скороговоркой начинает читать „Достойно есть...“, как бы отложив в сторону свои „неблагоговейные“ волнения и тревоги. Первоначальный образ молитвы, возмущивший благочестивую старуху, можно условно назвать „поземка“, так как сочетание переживания и молитвы здесь такое, что молитва как бы стелется по земле. Хотя эта молитва очаровывает зрителя непосредственностью, живым горячим чувством заботы о несчастной судьбе близкого человека, но в данном случае переживание поработочает молитву, подчиняет ее своей логике, ритму и задачам. Старуха, оборвавшая молитву дочери, не смогла оценить то драгоценное, что в ней было — личный, непосредственный, искренний характер отношений с Богом, но крупница истины и в замечании матери была. Такое сочетание молитвы и переживания опасно тем, что молитва слишком смотрит себе под ноги, и, в конце концов, может редуцироваться вплоть до речевых или даже двигательных автоматизмов, до мимолетных вкраплений в обычное переживание (вздохи „О Господи!“, возведение глаз вверх и т.п.), ничего существенно не меняющих в процессе переживания.

Впрочем, и в этом случае нельзя полностью отрицать значения подобной редуцированной молитвы, ибо даже такая, бессознательная, произвольная и бескрылая молитва все же остается призыванием Бога и потому в порядке духовной объективности может существенно повлиять на переживание и на жизнь (см. Флоренский П.А., 1977, с. 191-192).

„Параллель“.

После замечания старухи сочетание молитвы и переживания приобретает форму, которую можно назвать „параллелью“. Одно дело — твоя низменная, обыденная, греховная жизнь и связанные с нею переживания, и совсем другое — святая молитва. Она должна быть чиста от всех этих обыденных, житейских мелочей, от всего душевного, земного и, потому, грязного. Этому отношению к молитве не откажешь в благонамеренности, своеобразном смирении и аскетизме. Но такая молитва, как священник из притчи о добром самаритянине, постарается пройти мимо израненной, скверного вида жизни, боясь и самой испачкаться, оскверниться, и, в своей фарисейской чистоте, она постоянно предаёт жизнь, бросает ее, оставляет на произвол судьбы.

Нельзя, впрочем, полностью осудить такую молитву, потому что в ней есть, пусть и духовно искривленный, но все же порыв к Богу, к чистоте, к праведности, и такая молитва может иногда принести свой плод. Но велика ее опасность, ибо, успокаивая совесть благочестивостью, она оставляет переживание беспомощным и подталкивает его к

of chances that the actually living, genuine human feeling, not losing even one drop of the energy of the soul, is transformed in the same way as the fierce persecutor Saul was transformed into a fiery apostle.

Much more dangerous in this sense is a conflict of prayer and experiencing that resembles a lingering disagreement. When each has turned away from the other, and a burdensome and tense silence has broken out, in the atmosphere of which, both the prayer, and the emotional experience are frozen and even fossilized. Such a situation needs to be thawed, even at the cost of its exacerbation. Some years ago a client walked into my psychotherapy office who instead of a nose had a piece of plastic attached to its place. Once he had been in love, but this love turned out to be unrequited. As he made his outer appearance responsible for his rejection, he underwent a plastic surgery. But, the operation was unsuccessful and he had to redo it again, and again, and again. He lost all his resources to the surgery. Eventually, he lost his nose also, as well as his admired woman, his money, his job and his friends. The only still intact connection to the world was a sister, who, actually, could hardly bear him. On her insistence, he came; he had no interest in psychotherapy himself. In fact, it was not even an absence of an interest, but a planned protest against all attempts to help and uphold him. “Why have all these calamities befallen me?”, he asked provokingly, “Don’t you even dare to comfort me?”, he fell in into my sigh, frowning. “I have read plenty of spiritual books, read through the Bible for several times. They say, ‘God does not impose a heavier burden on a man than what he can carry,’ But to me – He gave it! Thus, I conclude He does not exist. And if He does, He is not merciful. He gives trials beyond capability. I am not a hero, not an apostle, not a saint. I am a weak and ill person. What for does one misery after another crash down on me? This is ruthless and unjust”.

He stopped. I did not know what to do. In that moment I realized how Job’s friends must have felt. A psychotherapist often encounters life at dead end and frustration; such is his profession. But usually a person comes in seeking help and ready to change something, albeit often with little faith in such a possibility altogether. He did not come for help; he came to win. He came to stand his ground of human dignity by showing once again that there is no such man born yet who could comfort him. Meanwhile, he stopped and waited for the answer.

I did not have an answer. What is more, I clearly felt that any of my answers would be a lie. (Or it would be the only possible move into a doomed position, after which he will triumph that he was once more successful in performing a checkmate in his sickness game, where he was an unrivaled Grandmaster.) But why? And there I understood: his feelings, his complaints, his protests where inwardly not addressed to me as a psychotherapist. Into my office he brought the claim against God. To Him those feelings were addressed, but from Him, as the source of offense, the soul turned away in its suffering. If so, by no means would I have been allowed to give my own answer, and assume a position between him and God. It was necessary that I move into the shadow and try to “forward the

тому, чтобы стыдиться самого себя, самого факта своего существования, к тому, чтобы уйти с глаз долой, скрыться в бессознательном и проявляться то в болезни, то в пьянстве, то в неожиданных взрывах страстей.

„Конфликт“.

Зародившаяся в ходе переживания молитва может вступить с переживанием в напряженное противоборство, в котором молитва и переживание будут бороться друг с другом за право определять весь душевный процесс. Они будут спорить о том, как понять смысл ситуации, каким именем ее назвать, открыть или закрыть душу перед другими, на что уповать, чего желать и т.д. Несмотря на драматизм таких отношений и их опасность, а может быть, и благодаря этому драматизму, в таком соединении переживания и молитвы много плодотворных духовных возможностей, возможностей того, что действительно живое, искреннее человеческое чувство, не расплескав ни капли душевной энергии, преобразится, внутренне переплавится в духовное движение, подобно тому, как яростный гонитель Савл преобразился в пламенного апостола.

Гораздо опаснее в этом смысле такой конфликт между переживанием и молитвой, который напоминает затяжную ссору, когда они отвернулись друг от друга, между ними воцарилось тягостное напряженное молчание, в атмосфере которого и переживание, и молитва застыли и окаменели. Тогда нужно попытаться разморозить ситуацию, пусть даже ценой ее обострения.

Несколько лет назад в мой психотерапевтический кабинет вошел человек, у которого вместо носа был прикреплен кусочек пластмассы. Когда-то он был влюблен, любовь оказалась неразделенной, он связал это

со своей внешностью, сделал пластическую операцию, операция прошла неудачно, ее пришлось повторить, потом еще и еще раз, он издержал все свои средства и, в результате, остался вовсе без носа, без возлюбленной, без денег, без работы и без друзей. Единственной не оборвавшейся связью с миром была сестра, которая, впрочем, уже едва сносила его. По ее настоянию он и пришел, никакого собственного запроса на психотерапию у него не было. Это было даже не отсутствие запроса, а заготовленный протест против всяких попыток помочь и поддержать.

— Почему на меня обрушилось столько несчастий? — начал он с вызовом. — Только не пытайтесь меня успокаивать, — поморщившись, перебил он мой вздох. — Я прочитал множество духовных книг, несколько раз перечитал всю Библию. Говорят, Бог не дает испытаний больших, чем человек может вынести. Но мне — дал! Значит, Его нет. А если и есть, Он не милосерден. Он дает испытания выше сил. Я не герой, не апостол, не святой. Я слабый и больной человек. За что на меня сыплется одна беда за другой? Это безжалостно и несправедливо.

message” so that the painful experiencing could reach its original recipient and its natural genre – the prayerful cry to God.

I said, “I have understood; your share of miseries and hardships is greater than endurable. This is beyond all bearing. But whenever anybody tries to comfort you, it irritates you all the more. You started looking for answers in the Scriptures and you did not find it. Now you ‘stand’ before God and challenge Him: ‘You gave me a trial beyond my capabilities. This is ungracious. Because of this my soul doubts that you exist. My faith is shaken. I am no hero, you can see that I am none, can’t You? I have got no strength any longer’. This is what I think you are saying to Him.”

“Yes,” said Nicolay. There was no more militancy in his voice. It was as if there was nothing he needed to prove any longer: “Yes. But He is silent. And life moves on. I am scared”.

These words were now addressed to me. They had the same pain, the same loneliness and the same feeling of abandonment, but there was something new too – a permission for compassion. Before hearing his own prayer from another person’s lips, he did not see it as a prayer, and his suffering fossilized in a warlike pose, allowing neither man nor God to come closer. Now it seemed to thaw. I thought to myself, “blessed are those who cry”, but did not dare to say it out loud.

“Organism”

The last type of the interrelation of prayer and experiencing may by convention be called “organism”. Experiencing can grow into prayer and join with it organically. In such a soul-spirit synthesis a process of remelting occurs; a transformation of that which is of the soul, into that which is of the spirit, eventually leading to a brightening up of the very tissue of the life of the soul or at least some of its cells, without at the same time escaping into spirituality.

Experiencing is mediated by prayer, and just like any other agent, it changes the form and the structure of the process of the experiencing from the inside. Thereby, experiencing becomes a “cultivated” process, i.e. a process that is cultivated and grown by prayer. The experience, gained through that worship, penetrates the matter of the soul’s life and opens in it – but does not add from the outside – the sacrament of the Kingdom (“the Kingdom of God is in your midst” (Lk 17: 21)). But not only is there a union of such spontaneous-natural and the “cultivated”, which occurs in such an organism of prayer- experiencing, but also a union of the private and individual, with the common and conciliar. Experiencing, embedded in prayer, ceases to be my personal and solitary issue; it becomes a conciliar action of a relevance that is not only locally subjective, but also cosmic (see Lev Vygotsky 1916; Pavel Florensky 1977, pp. 136-138).

The impact of prayer on experiencing

The last of the previously asked questions is “What is the impact of prayer on experiencing?”

These impacts are manifold, but their essence can be

Он замолчал. Я не знал, что мне делать. В тот момент я понял, как чувствовали себя друзья Иова. С безысходностью и жизненными тупиками психотерапевту приходится сталкиваться часто — такова профессия. Но обычно человек приходит с готовностью получить помощь, что-то изменить, хотя часто и без веры в то, что это возможно. Мой же пациент занимал позицию воинствующей безутешности. Он пришел не за помощью, он пришел побеждать. Пришел отстаивать свое человеческое достоинство тем, чтобы в очередной раз доказать, что не родился еще человек, который смог бы его утешить. Между тем, он молчал и ждал ответа.

Ответа у меня не было. Более того, я ясно почувствовал, что любой мой ответ будет ложью. (Либо ходом в заранее обреченной позиции, после которого он восторжеству ет, что еще раз поставил мат в своей болезненной игре, где был непревзойденным гроссмейстером.) Но почему? И тут я понял. Его чувства, его жалоба, его протест были внутренне адресованы вовсе не мне как психотерапевту. Он принес сюда свой вызов Богу. К Нему были обращены эти чувства, но от Него же, как источника обиды, в страдании отвернулась душа. Если так, то мне никак нельзя было отвечать от себя, нельзя становиться между ним и Богом. Нужно было отойти в тень и попытаться просто „перевести стрелку“ так, чтобы его болезненное переживание могло вернуться к своему реальному адресату и реальному жанру — молитвенному воплю к Богу. Я сказал:

– Я понял, что бед и мучений на вашу долю выпало больше, чем можно выдержать. Это нестерпимо. Но если кто-то принимает вас жалеть, вас это только злит. Вы стали искать ответ в Писании и не нашли. Теперь вы будто бы стоите перед Богом и бросаете ему вызов: „Ты дал мне испытания выше сил. Это немилосердно. От этого у меня в душе сомнение, что Ты есть. Вера моя поколебалась. Я не герой, Ты же видишь, я не герой. У меня больше нет сил“. Вот что, мне показалось, вы ему говорите.

– Да, — сказал Николай. — И воинственности больше не было в его голосе. Как будто бы ему ничего не надо было больше доказывать. — Да. А Он молчит. А жизнь проходит. Мне страшно. Эти слова были уже обращены ко мне. В них была та же боль, то же одиночество и та же оставленность, но было и что-то новое — разрешение на сопереживание. До того, как он услышал из чужих уст свою собственную молитву, он не считал ее молитвой, и его страдание окаменело в воинственной позе, не позволяя подойти к себе ни человеку, ни Богу. Теперь, кажется, оно стало оттаивать. Я думал „благенны плачущие“, но не решился сказать это вслух.

„Организм“.

Последний тип отношений между молитвой и переживанием условно можно назвать „организм“. Переживание может перерасти в молитву и органически соединиться с нею; в таком духовно-

expressed by the category of sublimation. The concept of sublimation used here, is not understood in Freudian terms, i.e. not as a process of expressing an impulse, which is impermissible because of censorship, in ways which would be culturally and socially appropriate. According to this view, sublimation is a mere means of sophisticated cheating as well as self-deception, when the lowliest and the illegal is smuggled into the legal social space by the cover of lush vestments, lipstick, make-up and perfume. Sublimation, in its exact meaning, is the process of refinement; the separation of the high and the lowly, or literally a “lifting up” of the lowly to the high (see Boris Vysheslavtsev 1994). Prayer pretty much does the work of subliming the experiencing. It separates the genuine from the false; the high from the lowly, and keeping this distinction, it puts the soul under the rays of grace, hoping that not one cell of the being, not one sprout of meaning, not one move of the soul, be they ever so dirty and unrighteous in the eyes of the Pharisee and the teachers of the law, will be left behind, thrown to the side or truncated, but will be grown by the power of grace into themselves, so that they can fulfill their initial purpose and materialize in perfection. Sublimation of experiencing is not the sophisticated smuggle of the lowly, but a provision of conditions that will enable verity, truth, and a high and gradual refinement of that experiencing.

* * *

For Christian anthropology, pastoral care is not just a topic, but an approach, a point of view and a paradigm of thought. It is one thing, to judge from the position of Orthodox anthropology, for instance, the sin of heavy drinking, and quite another, to assess the nowadays evolving forms and helping methods of the church, that try to deal with alcoholism. Similarly, the anthropological understanding of the sacrament of marriage is one thing; quite another though, is the same anthropological comprehension of the experience of pastoral care and the spiritual guidance of difficult, conflicting and the so-called “dysfunctional” families. Full of difficulties and dramatic practice of Christian counseling, must not be understood as something applied, just realizing the theological doctrine in the praxis of church life. But, it should be seen as a productive method of Christian anthropological knowledge that belongs to “the participatory organon”, to use the wording of Sergey Khoruzhy (1998). The fruit of this method can be “participatory Orthodox anthropology”, and not the formation of an abstract academic concept. In such anthropology, pastoral care is not separated from the performance of ordinances and liturgical life. On the contrary, in it the whole measure of anthropological and pastoral dimension of church sacraments will develop. For example, for a person who wants to understand the psychology of going through suffering and learn to comfort the grieving person, the ministry of leading the funeral service of the deceased could serve as the richest source of experience. Analyzing the anthropological meaning of this ministry, Pavel Florensky formulated a general idea of the relationship between feeling and wor-

душевном организме происходит переплавление, преобразование душевного в духовное, причем без ухода в спиритуальность, с просветлением самой ткани душевной жизни или хотя бы отдельных ее клеток.

Переживание опосредствуется молитвой, и, как всякое средство, молитва преобразует форму и строй процесса переживания изнутри. Переживание при этом становится „культурным“ процессом, т.е. процессом, возделываемым и выращиваемым молитвой. Весь культом накопленный опыт молитвы входит в материю душевной жизни и открывает в ней самой, а не привносит извне, таинство Царства („Царствие Божие внутрь вас есть“ [Лк. 17, 21]). Но не только соединение спонтанно-природного и „культурного“ осуществляется в таком организме переживания-молитвы, но и соединение личного, индивидуального и общего, соборного. Переживание в молитве перестает быть моим частным, одиноким делом, оно становится актом соборным, имеющим не только локально-субъективное, но в пределе и космическое значение (см. Выгодский Л.*, 1916); (Флоренский П.А., 1977, с. 136-138).

Влияние молитвы на переживание

Последний из заданных выше вопросов — каково влияние молитвы на переживание?

Эти влияния разнообразны, но суть их можно выразить категорией сублимации. Сублимацию здесь мы понимаем не во фрейдовском значении термина, не как процесс выражения запрещенного цензурой импульса в культурно, социально и сознательно приемлемых формах. При таком понимании сублимация есть лишь способ изолированного обмана и самообмана, когда низшее, нелегальное все же протаскивается в легальное социальное пространство под прикрытием пышных облачений, помады, грима и духов. Сублимация в точном значении термина есть возгонка, т.е. отделение высшего от низшего и возведение низшего к высшему (см. Вышеславцев, 1994). Молитва как раз и совершает эту работу сублимации переживания, отделяя внутри истинное от ложного, высшее от низшего, и, удерживая это различие, подставляет душу под лучи благодати, надеясь на то, что ни одна клеточка бытия, ни один росток смысла, ни одно движение души, каким бы грязным или несправедным они ни казались фарисею и законнику, не будут оставлены, отброшены, усечены, но будут выращены силою благодати в самих себя, осуществят изначальный замысел о себе, воплотятся в совершенстве. Сублимация переживания — не изолированная контрабанда низшего, а создание условий для усмотрения в нем истины, правды, высшего и постепенного преображения его.

* * *

ship, that might be regarded as a standard for the formation of the pastoral, pedagogic and psychotherapeutic practice of Christian counseling: “The appointment of worship is the very translation of the natural sob, the natural cry..., the natural tears and regret into a sacred song, into a sacred word, a sacred gesture. Not to prohibit natural motions, not to constrain them, not to curtail the riches of the inner life, but rather – to assert the riches of that inner life in their fullness, to consolidate and cultivate them. The random is being built by worship to become the proper; the subjective is clarified into the objective. Worship transforms the natural appearance into the ideal one. One might try to suppress the affect. But to fight a battle with the affects can only mean one of the two: if it is lost, man is poisoned by the ‘passions trapped inwards’; is it won, however, man’s humanity will be castrated and killed, becoming devoid of liveliness, strength and eventually life itself. Worship works differently; it asserts all of the human nature, with all of its affects. It brings every impulse and affect to their maximum possible expression – opening up for them a boundless expanse of ways out. Worship brings the affect to a beneficial crisis, cleansing it and through this, soothing τραύματα της ψυχής [the wounds of the soul]. It not only allows the affect to reveal itself completely, but it also demands from it its best concentration, stretching it, intensifying it, as if provoking and prompting an explosion of emotions. And, giving it the full recognition, as it asserts its rights, worship transforms it. ... Be it anger, rage or boredom – worship takes everything onto itself and transforms everything, satisfying you to the full measure: – in worship we drain dry the very essence of agitation, becoming completely satisfied, not having any other unsatisfied desire, – for worship gives us more than we ask, and even more than we can desire...” (1977, pp. 136-138).

Для христианской антропологии душепопечение не только тема, но и подход, угол зрения, парадигма мысли. Одно дело — оценить с позиций православной антропологии, например, грех пьянства, и совсем другое — рождающиеся сейчас церковные формы и методы помощи в преодолении этого греха. Одно дело — антропологическое осмысление, например, таинства брака, и совсем другое — антропологическое же осмысление опыта пастырского душепопечения и духовного окормления сложных, конфликтных, так называемых дисфункциональных семей. Сама многосложная, драматическая практика христианского душепопечения, должна быть понята не только как нечто прикладное, лишь реализующее в практике церковной жизни богословское учение, но как продуктивный метод христианского антропологического познания, относящийся, по формулировке С.С. Хоружего (1998), к „участному органону“. Плодом этого метода может быть построение не абстрактно-академической концепции, а „участной православной антропологии“. В такой антропологии душепопечение несколько не отделяется от таиносовершения, от богослужебной жизни. Напротив, в ней в полной мере раскроется антропологическое и душепопечительное измерение церковных таинств. Например, для того, кто хочет понять психологию переживания горя и научиться утешать горящего, открыт такой глубочайший источник опыта как чин отпевания усопшего. Анализируя антропологический смысл этого чинопоследования, о. Павел Флоренский (1977, с. 136-138) сформулировал общую идею отношений между чувством и культом, которую можно считать программной для построения пастырской, педагогической и психотерапевтической практики душепопечения: „Назначение культа — именно претворять естественное рыдание, естественный крик..., естественный плач и сожаление в священную песнь, в священное слово, в священный жест. Не запрещать естественные движения, не стеснять их, не урезывать богатство внутренней жизни, а напротив — утверждать это богатство в его полноте, закреплять, возвращать. Случайное возводится культом в должное, субъективное просветляется в объективное. Культ претворяет естественную данность в идеальное. Можно было бы постараться подавить аффект. Но ..., — продолжает он, — вступить в борьбу с аффектами значит одно из двух: если она неуспешна — отравить человечество „загнанными внутрь страстями“, если же удачна — оскотить и умертвить человечество, лишив жизненности, силы и наконец — и жизни самой. Культ действует иначе; он утверждает всю человеческую природу, со всеми аффектами; он доводит каждый аффект до его наибольшего возможного размаха, — открывая ему беспредельный простор выхода; он приводит его к благодетельному кризису, очищая и целя тем τραύματα της ψυχής [душевные раны]. Он не только позволяет выйти аффекту всецело, но и требует наибольшего его напряжения, вытягивает

его, обостряет, как бы подсказывает, подстрекает на аффект. И, давая ему полное признание, утверждая аффект в правде его, культ преображает его. ... Гнев ли, ярость ли, скука ли... — все берет на себя культ и все преобразует и до конца удовлетворяет: — до дна в культе испиваем мы самую эссенцию своего волнения, всецело насыщаемся, без малейшего оставшегося неудовлетворенного желания, — ибо культ дает всегда более, чем мы просим, и даже больше, чем мы можем хотеть...”

Федор Василюк, психотерапевт, доктор психологических наук, профессор. Заведующий кафедрой индивидуальной и групповой психотерапии Московского городского психолого-педагогического университета. Заведующий лабораторией научных основ психотерапии и психологического консультирования при Психологическом институте РАО. Главный редактор журнала «Консультативная психология и психотерапия» (до 2009 года – «Московский психотерапевтический журнал»)

Fedor Vasilyuk, Psychotherapist, Ph.D. in Psychology, professor. Dean of the „Counseling Psychology and Psychotherapy“ faculty of the Moscow State University of Psychology and Education. Head of the laboratory of scientific foundations of psychotherapy of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education. Chair of the editorial board of the Moscow Psychotherapeutic Journal (Journal of Counseling Psychology and Psychotherapy - since 2009). fevasil@list.ru

Литература / references

Архимандрит Киприан (Керн). Православное пастырское служение. — М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1996. (Archimandrite Syprian (Kern). Orthodox pastoral ministry. Moscow: Brotherhood of Saint Vladimir's Press, 1996)
Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. (Bachtyn, Mikhail. “Aesthetics of Verbal Art”. In: Art. Moscow, 1979)
Выгодский Л. Траурные строки (День 9 ава). — Новый путь, 1916, № 27. (Vygotsky, Lev. “Lines of Mourning”. In: The New Way. No. 27, 1916)
Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. — М.: Республика, 1994.
(Vysheslavtsev, Boris. “The Ethics of the Transformed Eros”. In: Respublic. Moscow, 1994)
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. — М.: Рус. яз., 1982. (Dal, Vladimir. The Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language. Vol. 4. Moscow: The Russian Language, 1982)
Флоренский П.А. Из богословского наследия. — Богословские труды. Сб. XVII. — М., 1977. (Florensky, Pavel. “From Theological Heritage”. In: Theological Works. Vol. XVII. Moscow, 1977)
Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. (Khoruzhy, Sergey. The Phenomenon of Ascetics. Moscow: Humanitarian Literature Press, 1998)
Tillich Paul. The Courage to Be. — Glasgow: Collins, 1952.
“Suffer”. In: Online Etymology Dictionary. Accessed: 10.10.2012. <<http://www.etymonline.com/index.php?term=suffer>>.

Comment to “Prayer and experiencing in the context of pastoral care”

Fernando Garzon

Dr. Feodor Vasilyuk has written an excellent article inspiring the Christian psychological community to delve deeply into the interaction between prayer and experiencing in counseling. I approach his work from the perspective of an evangelical Protestant clinical psychologist in the U.S. and a researcher on Christian models of prayer (primarily in lay counseling approaches). I will comment briefly on the many positive elements I see in his work, the role of empathy in his model, the question of coping with suffering versus symptom reduction, and the role of empirical research alongside theory development.

Many Positives

Many positive elements permeate this article. I appreciate Dr. Vasilyuk's Russian Orthodox perspective on Christian psychology. The Orthodox appreciation for the sense of mystery surrounding faith and suffering keep his work grounded in the realities we see each day in the counseling room while reminding us of the Spirit's presence and availability to console and encourage our fellow pilgrim. Dr. Vasilyuk offers a broad definition of Christian counseling that includes laity helping one another instead of just focusing on pastoral care and professional mental health services. This fits the reality of what is occurring in the church throughout the world. He also seems to take a broad definition of prayer. Though not specifically defined in the article, I sensed that he moved beyond the common categories of petitionary, contemplative, and liturgical prayer. His “spiritual participating” approach (mental empathy, spiritual grafting, verticality, and the journey) provided an intriguing model for comforting the sufferer that he seeks to ground solidly in a psychological anthropological base in addition to a theological one. I appreciated that his case examples and classic book examples allowed his article to both address practical application and theoretical concerns.

Empathy with a Higher Purpose

As a clinician, I greatly appreciated Dr. Vasilyuk's application of empathy in the care of the hurting soul. Typically in the secular psychological literature, empathy is framed as the primary tool for developing the therapeutic alliance. Many psychological theories emphasize the “horizontal” importance of the therapeutic relationship in the healing process. Dr. Vasilyuk goes beyond such concerns to apply empathy in a way that helps the counselee connect deeply with God. It is a stepping stone that permits “spiritual grafting” and the construction of a “vertical ladder” to God. Thus, the focus for the therapist

applying these principles shifts from merely developing the horizontal therapeutic alliance to a quest to help the counselee develop a “God alliance” (a sense of God with the person in the midst of pain and suffering).

Coping with Suffering versus Symptom Reduction

Dr. Vasilyuk's descriptions of helpful as opposed to unhelpful approaches to prayer in the midst of suffering remind me of the researched religious coping concept of Surrender (See Cole & Pargament, 1999, for detailed exploration of this concept; Clements & Ermakova, 2012, for an example of recent research). Surrender involves the denial of self for a perceived divine purpose or an active choice to relinquish one's wishes in the service of what one believes to be God's will. Self-will is transcended through trusting in God's character and divine purposes. Some research suggests that surrender may reduce stress symptoms (such as worry), although a reduction in symptoms clearly is not the primary goal.

I strongly agree with the value of Surrender as a helpful stance that prayer can cultivate in Christian counseling. I also wonder if there are other ways that prayer can be applied in Christian counseling than what Dr. Vasilyuk suggests. Symptom reduction is a paradoxical by-product of Surrender. Are there prayer approaches that more directly reduce symptoms? Is this an appropriate goal of Christian counseling? I am unclear on this from Dr. Vasilyuk's work. I am sure the length limitations on his article prevented greater clarity on that point.

I research Christian lay counseling models. Some models use forms of prayer for spiritual development and symptom reductions more directly than Surrender types of prayer, although these models also encourage Surrender when appropriate. For example, Neil Anderson's (2000) prayer model, Steps to Freedom in Christ, bears resemblance to the classic prayer of examen. The focus of Anderson's adaption however is resolving spiritual conflicts and reducing psychological symptoms (See Garzon & Tilley, 2009, for a review of the preliminary research on Anderson's model and a variety of lay counseling models).

Empirical Research and Theory Development

Dr. Vasilyuk has broadened my understanding of prayer in counseling. As a researcher, I find myself wanting to operationalize some of the principles he describes in a way that would permit investigation. This indeed would

be a challenging task, but there are small starting points. For example, I see connections between his ideas and devotional meditation strategies that encourage Surrender. Much more research is needed on such strategies, and their exploration could lead to further theory development.

Conclusion

Dr. Vasilyuk has written an article that broadens my understanding of how to comfort the suffering. His work meaningfully connects empathy with more than just building the therapeutic alliance. Metaphorically speaking, he seeks to use it as a starting point for “spiritual grafting” and a vertical ladder to God. His emphasis on cultivating helpful attitudes in prayer resembles the concept of Surrender found in the religious coping literature. His writing reminds me of the important interaction between theoretical development and empirical research. There is much to build on in his work.

References

- Anderson, N. (2000). *The bondage breaker*. Eugene, OR: Harvest House Publishers.
- Clements, A. & Ermakova, A. (2012). Surrender to God and stress: A possible link between religiosity and health. *Psychology of Religion and Spirituality*, 4(2), pp. 93-107.
- Cole, B. & Pargament, K. (1999). Spiritual surrender: A paradoxical path to control. In W. Miller's (Ed.) *Integrating Spirituality into Treatment: Resources for Practitioners* (pp. 179-198). Washington, DC: American Psychological Association
- Garzon, F. & Tilley, K. (2009). Do lay Christian counseling models work? What we currently know. *Journal of Psychology and Christianity*, 28(2), 130-140.

Dr. Fernando Garzon (USA) is a professor in the Center for Counseling and Family Studies at Liberty University. His diverse professional experiences include practicing as a clinical psychologist in outpatient settings, being an associate pastor for a Latino church, and doing pastoral care ministry. His writing and research interests focus on investigating Christian interventions in counseling and evaluating counselor education practices in spirituality. Dr. Garzon has written in the areas of forgiveness, Christian inner healing prayer, multicultural issues, and lay counseling models of ministry. He is the IRB Chair for Liberty University.

